

Настроение русской армии на полях Венгрии въ 1848—49 г.г. ¹⁾.

В интересной и содержательной статьѣ молодого ученаго Борецкаго-Бергфельда, помѣщенной въ мартовской книжкѣ „Revue de Hongrie“, на основаніи отзывовъ, извлеченныхъ изъ дневниковъ и записокъ русскихъ офицеровъ, дается любопытная картина чувствъ и настроеній русской армии, сражавшейся вмѣстѣ съ австрійскими войсками, по выраженію Императора Николая I, „для возстановленія въ Европѣ порядка“ и для „утвержденія пошатнувшихся троновъ“.

Цѣлый рядъ фактовъ, изложенныхъ въ запискахъ, на которыя ссылается авторъ вышеупомянутой статьи, свидѣтельствуютъ о томъ, что наша армія далеко не сочувствовала въ то время австрійцамъ и не понимала истиннаго смысла похода противъ народа, къ которому русскіе никогда не питали никакихъ враждебныхъ чувствъ; какъ бы чувствуя всю несправедливость этого военнаго предпріятія, русскіе солдаты и офицеры нерѣдко пытались загладить ее почти демонстративнымъ проявленіемъ своего расположенія къ венгерцамъ.

Въ своей статьѣ Борецкій-Бергфельдъ освѣщаетъ попутно и роль блюстителя европейскаго порядка, принятую на себя въ то время Императоромъ Николаемъ.

„Событія, происходившія въ австрійской имперіи въ 1848 году, говоритъ авторъ упомянутой статьи, очень волновали Императора

---

¹⁾ La Russie et la révolution hongroise de 1848—49. par. N. Boretzky-Bergfeld. Revue de Hongrie. 15 Mars 1912.

Николая I. Въ своихъ письмахъ къ генералу Паскевичу ¹⁾, предшествовавшихъ посылкѣ русскихъ войскъ въ Венгрію, обсуждая вопросъ о томъ, какъ Императору надлежало держать себя по отношенію къ Европѣ, онъ повторяетъ неоднократно, что ему слѣдуетъ быть „на стражѣ“ и высказываетъ опасеніе, что нерѣшительному и трусливому Императору Фердинанду не удастся подавить разгорающееся возстаніе и что „оно охватитъ Галицію и Венгрію изъ конца въ конецъ“.

Если революціонная пропаганда не будетъ скоро прекращена, „именемъ самого Императора Фердинанда, писалъ Императоръ Николай I, я займу край и задущу замыслы мятежниковъ“.

Такимъ образомъ Венгріи суждено было стать театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ впервые были мобилизованы силы реакціи, стремившейся подавить въ Европѣ революціонное движеніе.

„Между Россіей и Венгріей не существовало въ то время никакого историческаго антагонизма, во всякомъ случаѣ между ними происходило несравненно менѣе дипломатическихъ и политическихъ конфликтовъ, нежели между Россіей и Австріей, такъ какъ между этими двумя державами существовало уже въ XVIII вѣкѣ тайное соперничество относительно Балканскаго полуострова и придунайскихъ княжествъ, изъ которыхъ образовалась впоследствии Румынія.

„Въ тотъ роковой и тревожный годъ, когда отзвуки февральской революціи докатились до предѣловъ Россіи, Императоръ Николай I сдѣлалъ серьезныя приготовленія для занятія Галиціи и Буковины. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время первыхъ революціонныхъ вспышекъ Императоръ не уяснилъ еще себѣ опасность, угрожавшую монархическому принципу на континентѣ, и не рѣшилъ еще связать воиныхъ личныхъ интересовъ (оккупировать упомянутыя австрійскія провинціи) съ безпощадной ненавистью къ революціи. 1 (13) апрѣля 1849 г. онъ былъ занятъ только этими двумя провинціями и не думалъ еще о подавленіи „революціонной гидры“.

„Австрійцы, писалъ Императоръ Паскевичу 1 (13) апрѣля 1849 г., не сладивъ сами (съ венгерцами), хотятъ теперь чужими руками жаръ загребать, это и легко и пріятно; но я того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мятежники ворвутся туда, ихъ уничто-

---

¹⁾ Генераль-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ; его жизнь и дѣятельность, т. VI, приложенія.

жить тамъ или въ Буковинѣ будетъ наше дѣло, но входить въ Трансильванію намъ нѣтъ причины, это дѣло прямо австрійцевъ... было бы глупо мнѣ поправлять русской кровью ихъ ошибки“.

„Но по мѣрѣ того какъ борьба австрійскаго абсолютизма съ венгерскимъ возстаніемъ обозначалась яснѣе и яснѣе, и по мѣрѣ того какъ венгерцы начали брать верхъ, отношеніе Императора Николая I къ событіямъ совершенно измѣнилось.

Революціонное движеніе, въ сущности, нисколько не угрожало въ то время Россіи: даже близость венгерской границы, гдѣ оно какъ будто локализовалось, не представляла никакой опасности; по свидѣтельству Литухина, русскаго офицера, служившаго въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ и оставившаго интересныя записки о венгерскомъ походѣ, въ началѣ апрѣля 1848 г. въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ пограничныхъ Галиціи, не было никакихъ безпорядковъ“.

Но побужденія высшаго порядка, необходимость утвердить въ Европѣ престижъ неограниченной власти, побудили въ концѣ концовъ Императора Николая I принять рѣшительныя мѣры. Всего недѣлю спустя послѣ вышеприведеннаго письма его къ Паскевичу, Царь писалъ ему дословно слѣдующее:

„Признаюсь, крѣпко не хочется вступаться во все это; по примѣру прежняго, предвижу одну зависть, злость и неблагодарность и вѣрно не вмѣшался бы, ежели бы не видалъ въ Бемѣ и прочихъ мошенникахъ въ Венгріи не однихъ враговъ Австріи, но враговъ всемірнаго порядка и спокойствія, олицетворенныхъ злодѣевъ и губителей, которыхъ истребить надо, для нашего же спокойствія ¹⁾“.

Послѣ cadaго новаго пораженія австрійцевъ въ войнѣ съ революціонной венгерской арміей, намѣренія Императора Николая I становятся болѣе угрожающими. Венгрія становится въ его глазахъ пугаломъ; она егоспреслѣдуетъ, и онъ сознаетъ необходимость подавить ея возстаніе.

Въ его частыхъ письмахъ къ будущему умиротворителю Венгріи, Паскевичу, въ которыхъ рѣчь идетъ почти исключительно объ этой войнѣ, роль Императора обнаруживается все яснѣе. 13 (25) апрѣля 1849 года онъ пишетъ: „Не одна помощь

¹⁾ Письмо отъ 8 (20) апрѣля 1849 г.

Австрія для укрощенія внутренняго мятежа, и по ея призыву, меня къ тому побуждаетъ; чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ ввѣренной мнѣ Россіи меня вызываютъ на бой, ибо въ венгерскомъ мятежѣ явственно видны усилія общаго заговора противъ всего священнаго и въ особенности противъ Россіи, ибо во главѣ мятежа и главными орудіями его—вѣчные враги наши поляки“.

Нѣсколько дней спустя, давая послѣднія инструкціи Паскевичу, передъ его отправленіемъ въ Венгрію во главѣ двухсоттысячной арміи, Императоръ напутствуетъ его слѣдующими, весьма характерными для даннаго момента, словами:

„Дѣйствуй на нашихъ враговъ быстро, по-русски“. При этомъ Императоръ говоритъ, что если вступаться, то „вмѣшательство должно быть рѣшительное, все ниспровергающее“; „вразуми Ридигера, пишетъ онъ Паскевичу, сколь нужно ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣшительно, надо, чтобы съ перваго удара нашего дѣло было переложено въ пользу праваго дѣла“.

„Такъ какъ успѣхи венгровъ приняли самыя опасныя размѣры, то они явно заодно съ поляками, потому и намъ прямо угрожаетъ опасность; отказать въ помощи (австрійцамъ) мы не можемъ, но дать ее должны осторожно, дабы успѣхъ былъ елико можно безъ сомнѣнія“.

II.

Таково было положеніе, занятое по отношенію къ Венгріи Императоромъ Николаемъ и русскимъ правительствомъ. Но русское общество думало иначе о событіяхъ, происходившихъ въ этой странѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оно отнеслось къ пораженію, нанесенному Паскевичемъ венгерскимъ мятежникамъ, сражавшимся не только за независимость своей страны, но и за политическую свободу, надобно прослѣдить отзывы русской печати того времени.

Почти во всѣхъ брошюрахъ и во всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ той эпохи выражается глубокое сожалѣніе по поводу того, что венгерскій народъ утратилъ свою независимость вслѣдствіе вмѣшательства Россіи.

Эта мысль проходитъ красной нитью во всѣхъ статьяхъ, трак-

тующихъ о событіяхъ 1848 года. Развитіе либеральныхъ идей въ Европѣ подготовило русское общество къ сочувствію событіямъ, разыгравшимся въ Венгріи въ 1848—49 г. г.

„Изучая внимательно эту эпоху и въ особенности исторію сближенія русскаго и австрійскаго правительства, послѣ побѣды подъ Вилагосомъ, мы убѣдились говорить г. Борецкій-Бергфельдъ, въ томъ, что за исключеніемъ правительственныхъ лицъ русскіе, вообще говоря, порицали эту политику, не сочувствовала ей и русская армія, посланная царемъ въ Венгрію подѣ начальствомъ Паскевича.

„Офицеры, находившіеся во главѣ войска, составляли лучшую часть русскаго общества того времени, и что же? если просмотрѣть записки, веденныя ими во время этого злополучнаго похода, то окажется, что русская армія не сочувствовала дѣлу, которое ее заставили выполнить.

„Весьма интересны въ этомъ отношеніи воспоминанія русскаго офицера Фатѣева, появившіяся десять лѣтъ спустя послѣ венгерскаго похода.

„1 августа (ст. ст.) 1849 было несчастнымъ днемъ для венгерцевъ,—такъ начинается Фатѣевъ свою статью; шестимилліонный, храбрый и благородный народъ потерялъ въ этотъ день надолго, если не навсегда, надежду отстоять съ оружіемъ въ рукахъ свою свободу противъ деспотической власти Австріи“. Говоря далѣе, о „безнадежномъ положеніи“, въ какомъ очутились венгерцы, окруженные австрійцами и русскими, когда Гергей былъ вынужденъ „отступить передъ роковой силой событій“, Фатѣевъ говоритъ съ искренней и глубокой грустью, что эти прискорбныя событія „надолго подавили въ душѣ венгерцевъ всякую мысль объ освобожденіи“.

Общественное мнѣніе Россіи высказалось по поводу этого событія совершенно опредѣленно; тотчасъ послѣ побѣды, одержанной надъ венгерцами генераломъ Паскевичемъ, весьма многіе единодушно выражали свое отрицательное отношеніе къ участию русскаго войска въ усмиреніи венгерскаго мятежа.

„Мы хорошо помнимъ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ похода, скрывшій свою фамилію подѣ инициалами А. Л., что въ русской арміи, направленной для спасенія Габсбурговъ, несмотря на безусловное и строгое исполненіе воинскаго долга, вовсе не обнаруживалось на малѣйшей симпатіи къ Австріи. Армія шла и дѣйствовала потому, что ей это было высочайше повелѣно, и тѣмъ исполнила свой святой долгъ. Но въ то же время, весьма нерѣдко, въ

рядахъ ея проявлялось нерасположеніе не только къ австрійскому правительству, но и къ временнымъ соратникамъ и союзникамъ—къ австрійской арміи“.

Но возвратимся еще разъ къ воспоминаніямъ Фатѣева, изъ коихъ отрывокъ приведенъ выше.

„Утро было восхитительное, пишетъ онъ, наши войска двинулись въ разныхъ направленіяхъ, заняли позиціи и приготовились къ бою. Равнина огласилась тысячею разнообразныхъ голосовъ: гономомъ людей, ржаньемъ лошадей, грохотомъ орудій; все это сливалось въ одинъ оглушительный шумъ. Венгерская армія еще не появлялась. Нашъ эскадронъ выстроился въ линію, послѣ чего всѣ спѣшились. Я также сошелъ съ лошади, легъ на траву влажную отъ росы и принялся думать. О чемъ думалъ я въ эту минуту? До сихъ поръ помню это вполне ясно. Во-первыхъ, моему національному самолюбію льстило и втайнѣ радовало меня, что *эта кровопролитная и ненужная война скоро кончится*. Но преобладающимъ чувствомъ въ душѣ моей было *сожалѣніе объ униженіи непріятеля*. Я не только не чувствовалъ къ нему въ душѣ никакой ненависти, напротивъ, я ощущалъ къ нему уваженіе и искреннюю симпатію, а къ австрійцамъ равное этому отвращеніе“.

Другой участникъ похода, Дроздовъ, адъютантъ начальника штаба 3-го армейскаго корпуса, генерала Фролова, описывая свои впечатлѣнія при первой встрѣчѣ съ генераломъ Гергеємъ, говоритъ о Вилагосской катастрофѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и его воспоминанія о ней проникнуты такою же грустью, какъ и воспоминанія прочихъ участниковъ похода.

Когда Гергей рѣшилъ прекратить неравную борьбу и сложить оружіе, то онъ извѣстилъ генерала Ридигера о томъ, что это будетъ исполнено только передъ войсками русскаго Императора, „ибо я торжественно объявляю, писалъ онъ, что скорѣе рѣшусь подвергнуть весь мой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ безусловно сложить оружіе передъ австрійскими войсками“. Тогда Ридигеръ послалъ въ Вилагосъ, къ Гергею, генерала Фролова, чтобы условиться относительно церемоніала сдачи венгерскаго войска и сложенія оружія. Фроловъ и его свита, въ которой находился Дроздовъ, были приглашены Гергеємъ къ столу. Дроздовъ пишетъ:

„Всѣ были въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа. Даже мы сами находились въ странномъ, никогда не испытанномъ положеніи.“

Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному

опредѣленію судьбы, они собрались здѣсь для рокового празднованія своей собственной тризны. Несчастные! многіе изъ нихъ не ошиблись въ предчувствіи своей гибели¹⁾.

Фатѣевъ, присутствовавшій при сдачѣ венгерцами оружія, говоритъ, что русская армія пережила весьма тягостныя минуты, присутствуя при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, и описываетъ его такъ:

„Пройдя передъ войсками, генераль Ридигеръ, которому сдался Гергей, подошелъ ближе, остановился и приказалъ передать ему знамена. Это приказаніе произвело на венгерцевъ тяжелое, ошеломляющее впечатлѣніе. Казалось, какъ будто до этой минуты они считали возможнымъ иной исходъ. Но приказъ отданъ и глухо передается по рядамъ изъ устъ въ уста. Раздается похоронный маршъ, и трехцвѣтное знамя, священный символъ отечества и чести венгерской арміи, послѣдній разъ проходитъ передъ фронтомъ и какъ бы тихо склоняется прежде, нежели его передадутъ въ руки русскихъ.

„Въ этой церемоніи было нѣчто чрезвычайно тяжелое не для однихъ венгерцевъ. Тягостное впечатлѣніе этого дня надолго будетъ запечатлѣно въ памяти многихъ изъ насъ, бывшихъ свидѣтелями этой душу раздирающей сцены. Дѣло въ томъ, что всѣ солдаты и офицеры русской арміи, безъ различія, словно чувствовали сожалѣніе по поводу того, что они были сообщниками въ великомъ несчастіи, постигшемъ венгерцевъ; потому мы были печальны и удручены.

„Ровно въ часъ, Гергей, сопровождаемый своимъ блистательнымъ штабомъ, быстро мчался къ намъ, рассказываетъ Дроздовъ, на прекрасномъ золотисто-гнѣдомъ конѣ, въ своемъ скромномъ пальто, съ сумкой черезъ плечо и въ бѣлой круглой пуховой шляпѣ съ перомъ. Остановивъ штабъ свой въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, онъ, съ поникнутой головой, приблизился къ графу Ридигеру и открылъ торжественный актъ сложенія оружія продолжительнымъ объясненіемъ; въ заключеніе подалъ графу рапортъ о числѣ сдавшихся войскъ и оружія... Пѣхота съ грустью снимала съ себя боевую аммуницію и ставила ружья въ козлы; солдаты, прощаясь, плакали и цѣловали знамена своихъ полковъ. Гусары, остав-

¹⁾ Дроздовъ. Сдача венгерской арміи нашему войску передъ Вилагомъ (Воен. Сборникъ, 1870, № 9).

ляя своихъ коней, обнимали ихъ и, рыдая, прощались съ ними; столь же горько прощались они со своимъ ружьемъ.

„Невыразимо трогателенъ былъ видъ этого войска, стройнаго, сильнаго и бодрого, которое за нѣсколько мѣсяцевъ было такъ страшно для Австріи, а въ эту минуту стояло обезоруженное, покорное и какъ бы обреченное на казнь, ожидало исполненія своего приговора!.. Грустнымъ взглядомъ провожали насъ. Солдаты и офицеры, поникнувъ головами, плакали“. Есть основаніе думать, что впечатлѣніе, произведенное Виллагосской катастрофой на офицеровъ—участниковъ похода, вполне согласовалось съ состояніемъ духа всей русской арміи. Является вопросъ, дѣйствительно ли русская армія, приведенная въ Венгрію генераломъ Паскевичемъ, ясно представляла себѣ, что ее заставляли дѣлать? Война требуетъ увлеченія: она пробуждаетъ патріотизмъ и требуетъ энтузіазма. Въ данномъ случаѣ, какъ свидѣтельствуется Фатѣевъ и другіе, было обратное: русское войско было глубоко удручено. Одною изъ причинъ этого подавленнаго состоянія духа было отсутствіе настоящаго врага. Передъ лицомъ его, солдатъ вспоминаетъ объ обидѣ, причиненной его отечеству, о страданіяхъ, за которыя онъ долженъ отомстить. Невольно является вопросъ, какой оборотъ приняли бы событія, если бы армія Гергея могла оказать нѣкоторое время сопротивленіе? Быть можетъ, удрученное состояніе духа русскаго войска произвело бы поворотъ, благопріятный для венгерцевъ. Но судьба судила иначе.

Вотъ что рассказываетъ Фатѣевъ объ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ.

„Подъ вліяніемъ событій этого дня (сдачи оружія), я шелъ задумчиво во главѣ моего эскадрона, эскортировавшаго баталіонъ плѣнныхъ. Ко мнѣ подошелъ венгерскій офицеръ, въ гусарскомъ ментикѣ, съ большой каштановой бородой.

— *Consummatum est*—сказалъ онъ серьезно, вопросительно глядя на меня.

— Я не нашелъ абсолютно ничего отвѣтить ему. Я хотѣлъ пожать ему руку, но не смѣлъ.

— *Neška priide na nas zli čas, brate?* (Неужели же для насъ настанетъ ужасный часъ?), прибавилъ онъ, вздыхая и качая головой. Вся его наружность храбраго солдата ясно говорила о его нравственномъ страданіи“.

Негодование, испытанное солдатами и офицерами при видѣ униженія, причиненнаго венгерцамъ проявилось съ особенной силой послѣ капитуляціи Гергея, когда венгерцы стали плѣнными арміи Паскевича.

Въ арміи былъ пущенъ слухъ, что походъ 1849 года былъ необходимъ для освобожденія братьевъ славянъ, поработенныхъ венгерцами. Извѣстно, что оффиціальное толкованіе вмѣшательства Россіи въ дѣла Австріи было основано на этой идеѣ. Но „славянскій патриотизмъ“ былъ пустымъ звукомъ для русской арміи, сражавшейся въ Венгріи.

Офицеръ Лихутинъ, оставившій интересныя записки о походѣ въ Венгрію, говоря о состояніи духа русской арміи въ 1849 г., доказываетъ, что мысль о помощи славянамъ въ Венгріи была для солдатъ дѣломъ второстепеннымъ. Главнымъ поводомъ войны въ ихъ глазахъ былъ союзъ Россіи съ Австріей.

„Являясь союзникомъ австрійскаго правительства, пишетъ Лихутинъ—и разрушая могущество мадьяръ, мы дѣйствовали тѣмъ самымъ въ пользу славянъ и пріобрѣли благодарность и расположеніе ихъ. Они положительно сочувствовали нашему вмѣшательству, это фактъ. Можно было думать, что мысль о союзѣ съ Австріей вызоветъ въ нашей арміи чувство солидарности и уваженія къ австрійцамъ. Но, по словамъ очевидцевъ, случилось какъ разъ обратное“.

„Произошло, какъ пишетъ другой офицеръ, явленіе, свидѣтельствующее о христіанскихъ воззрѣніяхъ, глубоко коренившихся въ болѣе просвѣщенной массѣ нашего народа, среди которой армія, безъ сомнѣнія, занимаетъ весьма замѣтное мѣсто“.

Вопреки законамъ военной логики, вопреки историческому ходу событій, вызванныхъ единственно недоброжелательствомъ Императора Николая и русскихъ реакціонеровъ къ венгерскимъ мятежникамъ, симпатія русскихъ къ побѣжденной арміи и народу возростала съ каждымъ днемъ.

Вчерашніе враги сдѣлались, послѣ сдачи Виллагоса, искренними друзьями.

„Наша дружба съ венгерцами тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, говоритъ Лихутинъ, что въ то же время между русскими и австрійцами, коихъ было много въ Гроссвардейнѣ, сближенія, не было и случались ссоры. Все это могло показаться страннымъ и заслуживало вниманія. Мы пришли помогать австрійцамъ и помогли имъ, и вдругъ наши симпатіи оказались на сторонѣ тѣхъ, во вредъ которымъ мы дѣйствовали“.

Фатѣевъ рассказываетъ, что русскіе солдаты дружески бесѣдовали съ венгерцами, на томъ языкѣ, который наши солдаты придумали сами, чтобы разговаривать съ иностранцами. Они раздѣляли съ плѣнными пищу, въ которой послѣдніе терпѣли недостатокъ.

Словомъ, ничто не напоминало о томъ, что еще наканунѣ они были врагами.

Лихутинъ пытается объяснить дружбу нашихъ солдатъ съ венгерцами. „Причины этому были разнообразны, пишетъ онъ: отчасти, великодушіе, сожалѣніе къ побѣжденному, но выказывавшему намъ расположеніе непріятелю. Съ другой стороны, это былъ какъ бы молчаливый протестъ противъ того, что сами исполнили,—отчасти заносчивость нѣкоторыхъ австрійскихъ офицеровъ или, можетъ быть, отчасти напускной либерализмъ“ и т. д.

По мнѣнію Лихутина, присутствіе въ рядахъ обѣихъ армій поляковъ и нѣмцевъ, которые не могли не сочувствовать венгерцамъ, въ рядахъ которыхъ служило также много поляковъ и нѣмцевъ, также объясняетъ странный фактъ братанья русскихъ съ венгерцами.

Такимъ образомъ, благодаря отсутствію традицій племенной ненависти, слагающейся путемъ историческихъ столкновеній, русская армія не имѣла ни малѣйшей причины питать къ венгерцамъ враждебныя чувства, и венгерцы, со своей стороны, не питали, никакой злобы къ этимъ солдатамъ, вторгнувшимся въ ихъ страну и вызвавшимъ Виллагосскую катастрофу.

Находясь въ главной квартирѣ русской арміи, гдѣ были плѣнные венгерскіе офицеры, Фатѣевъ имѣлъ случай близко наблюдать ихъ, и онъ говоритъ вполне искренно, что „всѣ они откровенно выражали свою симпатію къ русскимъ“. Вмѣшательство Россіи въ австро-венгерскія дѣла было для нихъ не только неожиданно, но и непонятно.

„Послѣ того какъ генераль Гергей сложилъ оружіе, говоритъ Фатѣевъ, когда многіе были убѣждены въ томъ, что Венгрія навсегда утратила свою независимость, и когда въ рядахъ венгерской арміи то и дѣло происходили самоубійства, многіе полагали, что Венгрія отойдетъ къ Россіи“, и были этимъ довольны.

Въ тотъ моментъ вражда къ Австріи была такъ сильна, что венгерцы готовы были бы присоединиться къ любому народу, лишь бы ихъ не принуждали подчиняться австрійской реакціи.

„Трудно было ожидать, чтобы Австрія оказалась великодушной, говоритъ Фатѣевъ,—какъ только слухи о сдачѣ венгерской арміи подтвердились, многіе венгерцы поспѣшили исчезнуть“.

Эта симпатичная для венгерцевъ атмосфера, созданная русской арміей, до такой степени мало соотвѣтствовала тому, чего могли ожидать мятежники, что она породила въ умѣ венгерскаго народа

самые фантастическіе проекты; временами страхъ смѣнялся въ ихъ душѣ самымъ слѣпымъ довѣріемъ. Чтобы понять это состояніе духа, любопытно прочесть разговоръ, который имѣлъ въ то время Лихутинъ въ Гроссвардейнѣ съ молоденькой дочерью одного знатнаго венгерца. Она высказала ему между прочимъ, что прежде она была республиканкой, а послѣ пораженія стала роялисткой.

„Теперь я не желаю республики, сказала дѣвушка; теперь всѣ мадьяры желали бы принадлежать Россіи, великой націи, прославленной великими дѣлами“.

По словамъ Лихутина, мысль и желаніе принадлежать къ Россіи высказывались въ это время многими мадьярами.

По свидѣтельству офицеровъ, сами вожди венгерской арміи были удивлены великодушнымъ отношеніемъ къ венгерскимъ плѣннымъ. Дроздовъ передаетъ, что Гергей, въ письмѣ къ коменданту крѣпости Арадъ, генералу Дамьяничу, пославшему въ штабъ русскихъ войскъ парламентаровъ, чтобы вести переговоры о сдачѣ этой крѣпости, писалъ:

„Съ нами такъ обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся. Ибо если бы мы были въ обратномъ положеніи, то я не могъ бы, кажется, ручаться за такое же милое великодушное обхожденіе со стороны нашихъ офицеровъ въ отношеніи къ непріятельскимъ военно-плѣннымъ“.

Лихутинъ также подтверждаетъ этотъ фактъ и присовокупляетъ, что Гергей, прощаясь съ арміей, совѣтовалъ ей поддерживать дружескія отношенія съ русскими, которые въ отношеніи ихъ были безупречны.

„И дѣйствительно, говоритъ Лихутинъ, мы всегда встрѣчали у жителей Венгрии ласковый пріемъ,—обстоятельство, доказывающее политическій тактъ, который, надо замѣтить, бываетъ не у всѣхъ народовъ“.

III.

„Послѣ всего сказаннаго, мы считаемъ возможнымъ высказать опредѣленное мнѣніе о душевномъ настроеніи русской арміи во время достопамятнаго венгерскаго похода 1849 г. Все то, что говорятъ въ своихъ запискахъ участники этого похода, даетъ право утверждать, что между монархическими взглядами Императора Николая I и душевнымъ построеніемъ русской арміи въ 1848—49 годахъ не было согласія.

Когда горячія симпатіи, которыя питали въ рядахъ нашей арміи къ венгерцамъ, оказали на побѣжденныхъ воздѣйствіе, и когда со всѣхъ сторонъ стали получаться извѣстія о томъ, что венгерскія войска и крѣпости были готовы сдаться русскимъ, но не австрійцамъ, и главный штабъ увѣдомилъ объ этомъ Императора Николая I, то Императоръ высказался въ письмѣ къ Паскевичу:

„Удовлетворить прихоти венгровъ, сдавать крѣпости однимъ намъ нахожу противнымъ разсудку и *здравой политикѣ*. Это не арміи въ полѣ, отъ упорства которыхъ война продлиться могла бы; арміи не существуетъ, крѣпости рано или поздно сдаться должны, и *сдаться своему законному Государю*, а никакому другому“¹⁾.

Императоръ Николай I не забывалъ ни на минуту, что русское войско было послано въ Венгрію, чтобы усмирить народъ, поднявшій знамя мятежа противъ своего законнаго монарха. Поэтому онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какія отношенія установятся между русскими и венгерцами. Онъ боялся, чтобы эти отношенія не принесли опасныхъ плодовъ для его имперіи.

„Прошу настоятельно—пишетъ Императоръ Паскевичу 7 (19) авг., получивъ отъ Главнокомандующаго извѣстіе о капитуляціи Вилагоса—чтобы не было со всей этою с. никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ. Они бунтовщики, и намъ подло и низко съ ними сближаться. Довольно и того, что ихъ милуемъ“.

Какъ только всѣ формальности, связанныя со сдачей венгерскихъ войскъ нашей арміи, были окончены, отъ Императора немедленно было получено приказаніе вывести русскія войска изъ Венгрии и покинуть этотъ „очагъ революціи“.

Но въ то время какъ генералу Паскевичу отдавали по повелѣнію Императора, по всему пути его триумфальнаго шествія въ Россію, царскія почести русская армія осталась, по возвращеніи на родину, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ сознанія, что она помогла совершить большую историческую несправедливость.

Со смутнымъ чувствомъ покидали войска страну, гдѣ они стяжали побѣдныя лавры и проливали свою кровь, защищая интересы Габсбургской монархіи.

„Оставляя очаровательныя долины и равнины Венгрии, пишетъ одинъ изъ участниковъ похода, мы всѣ невольно часто останавливались и смотрѣли назадъ. Наконецъ, въ послѣдній разъ мы долго

---

¹⁾ Письмо къ Паскевичу отъ 2 (14) августа 1899 г.

смотрѣли на отдаленную, безконечную степь, виднѣвшуюся узкою полосой между боками зеленыхъ горъ. Прощай, Венгрія, строптивая и укрощенная красавица, поприще нашихъ трудовъ и славы, будущее свѣтлое воспоминаніе нашей старости! Не даромъ полюбили тебя гунны и угры. Наша мысль будетъ часто перелетать съ нашихъ снѣжныхъ полей на твои зеленые поля и виноградники, на твои высокія горы, покрытыя лѣсомъ и облаками, и безпредѣльныя равнины съ безоблачнымъ горячимъ небомъ. Какъ прелестная женщина, ты, можетъ быть, привлечешь еще когда-нибудь влюбленный, но роковой взглядъ завоевателей“.

В. Т.

